

нахъ, когда онъ буквально заболѣлъ жалостью, скорбью, возмущеніемъ противъ жестокости и вопіющей неправды міра, возмущеніемъ противъ самого себя и всего вокругъ, слишкомъ краснорѣчивы. Побывавъ въ московскихъ ночлежкахъ, увидя вокругъ тысячи оборванныхъ, голодныхъ, павшихъ въ униженіе и позоръ людей, живущихъ хуже собакъ, писателю было дико придти домой, увидѣть богатство, сытость, комфортъ и, главное, спокойствіе, спокойствіе, когда тутъ же за нѣсколько шаговъ—мерзость, униженіе и дикій голодъ тысячъ людей. У Толстого открылись глаза разъ навсегда, открылись какъ у всѣхъ религіозныхъ реформаторовъ, разъ познавшихъ міръ и отвернувшихъ отъ него.

Этотъ демонъ, внутренній человѣкъ, эта тоска несправой жизни, неправды своего «я», свойственны каждому человѣку, и моменты такого «пробужденія души», сопровождаемая тоской, бунтомъ, возмущеніемъ и порывами вырваться изъ тисковъ обычности, не разъ описывались беллетристами. Но разница отдѣльныхъ натуръ сказывается въ силѣ этихъ внутреннихъ сотрясеній и пошудительныхъ влеченій души. У Толстого это приняло размѣръ и силы такіе, противъ которыхъ бороться было нельзя. Душа предъявила свои исключительныя права на жизнь.

И въ тѣхъ канонахъ, которые Толстой уста-